

Имеет ли Украина историю?

Много друзей и коллег способствовали моим размышлениям на эту тему, хотя никто из них не может считаться ответственным за их итог (а многие могут найти интерпретацию мной своих идей изменой первоначальному их смыслу). Среди тех, кто дольше всех спорили со мной, – Франк Сысун, Зенон Когут, Ольга Андриевская, Андреас Каппелер, Ярослав Грицак, Роман Шпорлюк, Джордж Грабович и Александр Мотыль. Как станет ясно из примечаний, я также в долгу перед покойным Иваном Лысяком-Рудницким, как и почти все исследователи, занимающиеся украинской историей.

Один ответ на этот кажущийся простым вопрос был предложен украинским ученым, заметившим, что если Украина имеет будущее, она будет иметь историю. Таким образом, он справедливо поместил политику, в том числе международную политику, в центр дискуссии. Ну а самый простой ответ на этот вопрос заключается, конечно, в том, что люди и институты на территории современного украинского государства имеют историю в смысле пережитого опыта, *wie es eigentlich gewesen ist*, так как все мы имеем прошлое, к которому можем обращаться. Но если мы повторим свой вопрос, “имеет ли Украина историю?” имея на этот раз в виду письменную запись пережитого прошлого, которая обладает неким широким признанием и авторитетом среди международного научного и политического сообществ, то ответ окажется не таким простым. Название этой статьи перекликается с принципиально важным эссе украинского историка Сергея Билокиня “Чи маємо ми історичну науку?”,^[1] буквально “Имеем ли мы историческую науку?”, что более четко переводится как вопрос о том, есть ли у нас традиция исторических исследований? Билокин, между прочим, убедительно доказывает, что еще слишком рано говорить о таких традициях.

Если оставить Украину и обратиться к политической географии преподавания истории, мы практически не обнаружим признания того, что Украина имеет свою историю. В основных англо-американских, немецких и японских научных центрах историографии Украины как самостоятельного направления не существует (за несколькими важными исключениями); исключения лишь подтверждают правило. Канадское правительство и канадские украинские эмигранты субсидируют изучение украинской истории и культуры в Канаде, но здесь исключительность ситуации заключается в том, что почти все исследователи украинского происхождения. Этот факт позволил “традиционным” историкам характеризовать историю Украины как “поиск корней,” как форму национальной апологии или другой какой-то вид заинтересованного заступничества, отказывая этому направлению исследований в искомом статусе объективности.^[2] Историки украинского происхождения доминируют и в единственном американском центре украинских исследований, в Гарвардском университете.^[3] Все это говорит о том, что по меркам интеллектуальной организации профессиональной историографии, Украина не имеет истории.^[4]

Украина и история Центральной и Восточной Европы

Почему же это так? Прежде всего, историю Украины надо рассматривать как часть проблемы, общей для Восточной и Центральной Европы. На всем незначительном протяжении их современного существования страны Восточной и Центральной Европы

были пешками в международной системе. До 1914 года эти так называемые “не-исторические народы”^[5] были давними подданными трех центральноевропейских династических империй: Романовых, Гогенцоллернов и Габсбургов. После коллапса многонациональных империй в первой мировой войне они оказались пешками в руках либо немецкого Рейха, либо Советского Союза. Эти геополитические реалии отразились в структурах мышления, которые стали основой нашего представления о регионе. Поскольку ни одного из государств, находящихся сегодня между Берлином и Москвой, не существовало во времена подъема современной историографии в начале и середине девятнадцатого века, их история в глазах большинства современных исследователей продолжает носить налет искусственности, неподлинности. Настоящие государства – это Британия, Франция, Испания, Россия и, с оговорками, Германия. Но Чехословакия, Венгрия, Румыния и особенно Украина являются некими “подозрительными” кандидатами в международное сообщество. Иными словами, народы региона до сих пор лишены полной исторической легитимности.^[6]

Соответственно история Восточной и Центральной Европы рассматривалась – в современной памяти – и в значительной степени продолжает рассматриваться как проблема.^[7] Сохраняется устойчивый предрассудок, что все государства региона, за примечательным исключением бывшей Чехословакии, неспособны поддерживать стабильные демократические режимы и развиваться по пути экономического процветания, а поэтому не заслуживают подлинного национального суверенитета. Хотя такое мнение можно подчас услышать от интеллектуалов из самого региона, чаще всего оно исходит от двух преобладающих историографий, которые имеют корыстный интерес в развале Восточно- и Центрально-европейских государств, а именно немецкой и российской/советской.

Интеллектуалы и политики этих двух доминантных пограничных держав традиционно полагали, что национальное государство как таковое нежизнеспособно в этом важном регионе. Для немецких политиков и ученых организующие понятия *Osteuropa* и *Mitteleuropa*^[8] предполагают непрерывное расширение территории и народов от восточных немецких провинций до Урала. Для советских ученых и политиков понятие “социалистическое содружество” (так же как и для их либеральных и консервативных предшественников феномен Российской империи или “Великой и неделимой России”) служило зеркальным отражением немецкого аналога. В их представлении земли к западу от центральной России принадлежали законной сфере российского влияния, являлись непосредственным продолжением ее южных и западных провинций.^[9] Для немецкой и российской историографии страны Восточной и Центральной Европы существовали как “приграничные территории”, за которые шло соревнование в периодических геополитических схватках. Полиэтнический хаос в регионе, сам по себе являющийся одним из прямых следствий имперской политики на протяжении веков, обычно приводился в качестве оправдания дальнейшей имперской гегемонии. Более того, и российские/советские, и германские идеологи и политические лидеры традиционно утверждали, что даже внутрирегиональное сотрудничество в центральной и восточной Европе было нежизнеспособным без гегемонии Германии или России.

Не удивительно, что по мере того, как регион выступает из тени своих могущественных соседей, Германии и России, немецкий *Historikerstreit*^[10] и столкновения вокруг (и часто против) советского прошлого^[11] находят отзвук по всей восточной и центральной Европе. Притязание на национальный суверенитет и историческую легитимность неразрывно связаны с вопросом о традиционных отношениях российского и германского государств с народами восточной и центральной Европы. Для нерусских народов наследие российского и советского империализма является предметом безжалостного пересмотра. Зачастую

жаркие схватки по поводу национального прошлого, разворачивающиеся от Германии до Дальнего Востока, являются частью трансформации международного порядка и постсоветских социальных структур.

Не только наследие немецкого и российского исторических сообществ, но также послевоенный политический порядок усилили маргинализацию Восточной и Центральной Европы в североамериканской академической политике.^[12] Межвоенный опыт государств региона, кажется, только утвердил политические элиты к востоку и западу в том, что их предрассудки небеспочвенны. История региона стала ассоциироваться с национализмом, антисемитизмом и этническим ирредентизмом, отчасти в результате конфликтов межвоенного периода и очевидного провала Версальских соглашений и миротворческой политики Лиги Наций в этой части мира. Смертоносное наследие национал-социализма и фашизма и его европейских последователей внесло дополнительный вклад в демонизацию национализма как такового. Победа союзников во второй мировой войне и формирование Объединенных Наций, напротив, должны были “решить” национальный вопрос если и не навсегда, то по крайней мере в обозримом будущем. Этот оптимизм нашел отражение в идеологии господствующей в послевоенных общественных науках школе “модернизации”, которая постулировала конечное исчезновение этнических и национальных различий по мере того как общество становится более урбанизированным, индустриализованным и грамотным.^[13] В особенности в США ожидание ассимиляции как желаемого и определенного результата этнических процессов отражало веру большинства американских обществоведов в свою страну как “плавильный котел” этнических элементов. Вполне вероятно, что этот оптимизм бессознательно проецировался и на советское общество.^[14]

Недавним ответом на новое появление этнических конфликтов и национализма на Европейском континенте стала разработка дихотомии мировых национализмов. “Хороший”, или “гражданский” национализм является уделом стран НАТО, в то время как восточная Европа (особенно Балканы) и третий мир в целом склонны к “плохому”, или “этническому,” “кровному” национализму.^[15] Ясно, что Украина как часть восточной половины Европейского континента была занесена в “плохую” категорию.^[16]

Советское разделение научного труда и его наследие

Хотя эти факторы могут объяснить, почему Украина осталась без историографии в североамериканских и европейских университетах, можно было бы ожидать, что история Украины продолжала изучаться в Украинской Советской Социалистической Республике. Но официальная украинская историография здесь также тормозилась факторами, которые отражали роль Украины в псевдо-федеральных отношениях, управлявших политической жизнью бывшего Советского Союза. Центрами интеллектуальной жизни в СССР были Москва и, в гораздо меньшей степени, Ленинград и Новосибирск. Основные всесоюзные исследовательские институты концентрировались в этих городах, здесь проводились международные конференции, и редко кто помимо москвичей был в состоянии развивать контакты с иностранными коллегами или путешествовать за границу. Киев воспринимался как провинциальные задворки культуры советской России. Весьма ощутимыми последствиями этого было то, что киевские ученые имели существенно меньший доступ к международному историческому сообществу, и даже некоторые из наиболее важных их исторических источников были реквизированы московскими и ленинградскими архивами и библиотеками.^[17] Разумеется, только украинские историки писали украинскую историю, поэтому в Советском Союзе также возникла прослойка “профессиональных националов”, в то время как представители ученого истеблишмента

писали о более “благородных” темах имперской и советской истории. Провинциализация украинской истории задавала шаблон для всех остальных “нацменов”.

В 1920-х гг. украинские ученые начали оспаривать старый русско-центричный исторический нарратив,^[18] но в конце 1930-х и 1940-х гг. имперская точка зрения была реабилитирована под прикрытием лозунга “дружбы народов”, согласно которому русские – старшие братья остальных народов. Историков национального вопроса, как это тогда называлось, поощряли подчеркивать дружественные исторические связи между русскими и их “младшими братьями”. Напротив, любые враждебные отношения между ними или отношения между не-русскими народами и их единоплеменниками или единоверцами за пределами Советского Союза замалчивались, игнорировались или искажались. Любое нарушение этих правил вызывало обвинение в “национальных отклонениях”; национализм как таковой был наказуем как политическое преступление и обычно сопровождался эпитетами “буржуазный” или “контрреволюционный”. В результате этой антинациональной и считающейся интернационалистской программы, до уровня всемирно-исторического значения поднимались зачастую незначительные эпизоды или персонажи прошлого, в то время как менее “удобные” эпизоды и персонажи сглаживались, искажались или вообще игнорировались.^[19]

Советское обществоведение также приняло собственную версию теории модернизации для стран “социалистического содружества”. Советские социологи и этнографы считали, что этнические различия должны будут постепенно раствориться в ассимиляции, смешанных браках, миграциях и прочих демографических процессах, и результатом станет “постепенное соединение всех наций и народов Советского Союза и формирование новой исторической общности – советского народа”.^{[20][21]}

Должна ли и будет ли Украина иметь историю?

На этом фоне исторической неправомерности, должна ли Украина иметь историю? Очевидно, что для поколений историков из диаспоры этот вопрос имеет недвусмысленно утвердительный ответ. Сегодня, в контексте недавно провозглашенного суверенитета и независимости, украинские политические лидеры, законодатели общественного мнения и ученые пытаются переосмыслить историчность своего государства при помощи новых или вновь реабилитированных нарративов прошлого. Советская академическая историография оказалась под давлением со стороны нового политического руководства.^[22] Поскольку современные лидеры и партии обращаются к прошлому и, что более существенно, апеллируют к народной памяти и одновременно пытаются формировать ее, чтобы легитимизировать новый государственный аппарат, история как таковая и историки призваны сыграть ключевую роль *staatstrangende Elemente*.^[23] Давление на исторический истеблишмент также оказывается со стороны долго подавлявшихся или вновь возникших недавно националистических и антисоветских течений. Центральные площади главных городов и еженедельные книжные ярмарки являются индикатором популярности, скажем, интегрального национализма Дмитро Донцова и УПА.

Таким образом, ясно, что Украина будет иметь историю. По крайней мере на уровне начальной и средней школы, а также в таких важнейших общественных институтах, как украинские вооруженные силы, постсоветские украинские элиты инициируют создание исторических учебных программ, предназначенных для усиления легитимности основных политических и социальных институтов возникающего государства. Но какого сорта должна быть эта история? И какие исторические концепции имеют шансы на успех в ближайшем будущем?

Одна возможность заключается в освящении новой интегральной националистической догмы, – нарратив, в основном характерный для диаспоры и описывающий предысторию независимого украинского государства как телеологический триумф эссенциалистской, изначально существовавшей украинской нации. Элементы этого националистического переписывания истории присутствуют по всей Восточной и Центральной Европе. Они, как правило, изображают нации региона невинными жертвами других народов в череде героических, но безусловно трагических схваток за национальную независимость. Эти нации чахли в тени иностранной оккупации, пока свет освобождения не восстановил их давно угнетаемое достоинство. Один румынский писатель удачно обозначил этот историографический жанр термином “лакримогенезис”.^[24] С точки зрения истории несостоявшейся украинской государственности, ключевые моменты национального поражения начинаются с захвата Андреем Боголюбским Киева в 1169 году и включают в себя российские и польские вторжения, а также безуспешные восстания.^[25]

Эта новая версия имеет роковой потенциал стать столь же догматичной, как и та, что она призвана заменить, о чем свидетельствует политика преподавания в высших учебных заведениях. В Советской Украине, так же как и в остальном Советском Союзе, студенты школ, вузов и техникумов должны были прослушать внушительный набор курсов по истории коммунистической партии и “марксистско-ленинской философии”. Специалистов по этим предметам готовили солидные институты и факультеты университетов – так возникла очень политизированная и тенденциозная общественная “наука”. Когда коммунистическая партия потеряла формальную монополию на политическую жизнь, контролировать политическое сознание нации стали организации украинского Народного Фронта. Но к удивлению многих, перемены в общественных науках выразились лишь в том, что все кафедры истории КПСС были переименованы в кафедры истории Украины, а кафедры марксизма-ленинизма и диалектического материализма стали “кафедрами философии”. Что более существенно, преподавательский состав остался в основном прежним. Не удивительно, что знакомый догматический подход марксизма-ленинизма и диалектического материализма обрел новое воплощение в националистическом нарративе истории Украины. Вера в одну-единственную верную историю, которая, к тому же, возвышает морально или как-то еще, является прочным наследием марксистско-ленинских усилий легитимизировать советский режим посредством преподавания и писания истории (в большей степени, чем это было свойственно западноевропейским странам). Некоторые историки и законодатели общественного мнения придерживаются этой веры в единственно верную историю. В результате переписанная с националистических позиций история Украины имеет много общего с той версией, которую она призвана заместить.^[26]

Результатом этого черно-белого обращения могут стать мифологизированные версии прошлого, “эссенциалистский”, “первозданный” взгляд на нацию или этнос, которым присуща якобы вечная, неизменная, священная соборность (collectivity of identities).^[27] Вследствие такого прочтения истории все выдающиеся украинцы обязательно превращаются в националистов и сепаратистов. Конечно, традиция сепаратизма является важной и ярко представленной, например, в работах государственника Лыпиньского. Но нельзя забывать, что противоположный полюс украинского политического спектра был федералистским и народническим. Сегодня конфедеративные идеи Драгоманова или игнорируются, или отвергаются как коллаборационистские, либо сам Драгоманов, вопреки его письменному наследию, превращается в украинского сепаратиста. Федералистская, регионалистская и автономистская политическая мысль в целом может стать вероятной жертвой чрезмерного националистического рвения, которое постулирует суверенное национальное государство как телеологический итог исторического развития. Политическая история Украины начала двадцатого века, с ее широким спектром

социалистов, либералов, консерваторов, федералистов, интегральных националистов, бундистов, сионистов и русских националистов, разоблачает такие попытки как редуционизм.

Дилеммы интегрирования истории(й) Украины

Однако энтузиасты переписывания истории Украины встают перед трудной задачей. Да, Украина будет иметь историю, но попытки восстановить прошлое, которым можно манипулировать, неизбежно и быстро ведут к столкновению с проблемой современной и исторической идентичности Украины. Какого рода украинские идентичности возникают в постсоветский период? Так же, как и в случае с политическими, социальными и экономическими структурами постсоветского ландшафта, много гибридных, переходных или нестабильных (но равно привлекательных) форм самоидентификации соревнуются на новых рынках идей.^[28]

Главная задача, стоящая перед историками, заключается в интеграции этих конкурирующих вариантов прошлого в более или менее согласованный нарратив национальной истории. Как историки почти всех постсоветских государств, реинтегрирующие свое прошлое, украинские исследователи столкнулись с вопросом, который возвращает назад, к теме историографической нелегитимности: что такое Украина?^[29] Кажущиеся очевидными категории этничности и географии мало чем могут помочь. Украинская история раздирается по крайней мере по двум основным направлениям, которые имеют параллели в дискуссиях об украинском гражданстве, характерные и для других постсоветских стран. Должны ли гражданство и история принадлежать исключительно этническим украинцам (как бы их ни определять среди давно уже многонационального населения) или быть открытыми для всех этнических групп на территории современной Украины? Принимая во внимание особенно большое русское население, но также исторически значимые польскую, еврейскую и немецкую этнические группы, – поликультурный и территориальный нарратив украинской истории, который сохраняет разнообразие и пластичность самоидентификации, представляется более подходящим решением.^[30] Сходным образом, современные территориальные границы Украины были установлены только в 1954 г. (для Крыма) и в 1939 (1945) гг. для Западной Украины. Как должен историк рассматривать галицийские земли Габсбургской империи, а также украинское население, которое доминировало в Восточной Польше в межвоенный период или в юго-западных губерниях Российской империи?^[31] Сегодняшняя Украина является современным творением, не имеющим значительного прецедента, прочно укорененного в национальном прошлом.

Все эти помехи в определении понятия украинской национальной идентичности связаны с наследием “неисторической нации”, о котором говорилось выше. Это еще одно свидетельство того, что в современной истории Украины не доставало преемственности государственных и национальных традиций. “Отец” украинской истории Михайло Грушевский прослеживал истоки современной Украины до Киевской Руси и казацкой гетманщины.^[32]

Киевское происхождение, конечно же, оспаривается историками России, которые настаивают на преемственности киевского и московского правления.^[33] Казацкая гетманщина прочно относится к периоду до начала Нового времени и лучше всего может быть охарактеризована как протогосударство, особенно когда сравнивается с абсолютистскими национальными государствами, возникавшими в те времена в Западной Европе. И существование гетманщины закончилось (как и существование польской Речи Посполитой) как раз в момент появления “современного” национального государства в

эпоху Великой французской революции. Короче говоря, историки современной Украины не могут установить прочную государственную или институциональную преемственность с до-современным периодом.^[34] Значительное внимание уделяется еще одной очень важной группе институтов, церквям. Однако церкви, в особенности Украинская автокефальная православная, Греко-католическая и униатская, имеют множество тех же проблем фундаментального отсутствия преемственности и ассимиляции/унификации, что и институты управления и власти.

В связи с проблемой институциональной преемственности историки также встречаются с трудностями в прослеживании преемственности элит, поскольку считается, что Украине не хватает того, что немцы называют *staatstragende Elemente*, особенно по контрасту с Польским дворянством и интеллигенцией девятнадцатого века, которые претендовали на роль хранителей нации в ситуации отсутствия государства в эпоху разделов. После отмены гетманщины и интеграции в структуры Российской империи, украинское дворянство ассимилировалось в польскую или русскую культуру.^[35] Сходным образом, после достигнутой, но не удержанной независимости периода гражданской войны и экспериментов с коренизацией в 1920-х, украинские элиты были снова ассимилированы, на этот раз в соответствии с доминирующими и в сильной степени русифицированными советскими политическими и культурными нормами.

Так же, как и другие восточно- и центральноевропейские народы, которые испытывают сегодня недостаток государственных традиций, украинцы обратились к культурной сфере, чтобы выявить отличительные черты украинского самосознания. Реконструированная сквозь призму культуры, украинская история девятнадцатого века предстала как интеллектуальная и культурная предыстория независимого национального государства, но не как история политических институтов или хотя бы общественных слоев. Этот подход встречает яростное сопротивление внутри украинской диаспоры. Один из наиболее суровых критиков украинской политической мысли, Вячеслав Лыпинский, считает, что именно эти культурные и этнические проекты лежат в основе проблем государственного строительства на Украине.^[36] Справедливости ради отметим, что политика культурной русификации, проводившаяся российским самодержавием, и запрет украинского языка политизировали вопросы культуры в последние десятилетия империи. Другими словами, культура неизменно оборачивалась политикой.^[37]

Но даже в сфере культуры Украина страдает существенным разрывом преемственности. На вершине гетманского периода уровень образования на украинских землях был выше, чем в центре России. Процветала украинская традиция барокко, которая отличалась как от польской, так и от российской традиций. Украина служила важным посредником в процессе европейского культурного и интеллектуального влияния на Россию.^[38] Но после отмены гетманщины Украинская культура пришла в упадок по сравнению с российской и польской, и украинские интеллектуалы с тех пор страдали от острого ощущения неполноценности на протяжении всего девятнадцатого века. Из-за низкого уровня народной грамотности появление украинского национального барда Тараса Шевченко не имело такого же влияния на эволюцию украинской литературы, какое имели его русские современники на русскую литературу.^[39] Михайло Драгоманов, защитник идеи региональной автономии конца девятнадцатого века, призывал украинцев ориентироваться на Европу и европеизированную Россию, чтобы вытянуть украинскую культуру на мировой уровень.^[40]

Отсутствие преемственности является одной стороной монеты; другой ее стороной является исключительная проницаемость национальных культурных границ. Века оккупации иноземными державами и попытки разрушить или подавить украинскую

культуру и заменить ее русской, польской, немецкой, венгерской или румынской культурой и языком сменились поиском “чистой”, или неизменной, украинской идентичности, что является химерой.

Должна ли Украина иметь историю?

Факт исторической и культурной “проницаемости” Украины поднимает последний важный вопрос: должна ли Украина иметь единую официальную историю? Или, иначе, какого рода историю должна иметь Украина? Перед нами случай национальной культуры с чрезвычайно проницаемыми границами, но это, вероятно, соответствует постмодернистскому политическому развитию, в котором субнациональные, транснациональные и международные процессы требуют не меньшего внимания историков, обществоведов, культурологов, чем те процессы, которые раньше изучались как национальные.^[41] Другими словами, то, что воспринималось как “слабость” истории Украины или ее “недостатки” по предполагаемым меркам таких западноевропейских государств, как Франция и Великобритания, должно быть обращено в сильную сторону новой историографии. Как раз расплывчатость границ, проницаемость культур, исторически сложившаяся мультиэтничность общества могут сделать историю Украины очень современной областью исследований. По иронии, современное признание исторической легитимности Украины совпадает с возникающим консенсусом среди историков относительно понимания того, что даже эти образцы национальной государственности были не совсем тем, чем казались.^[42] Недавние работы по Германии^[43], Франции^[44] и Великобритании^[45] указывают на относительную новизну самого феномена “нации” и ее оспариваемого социального и политического характера. Украинские историки пытались храбро, но совершенно безрезультатно перекроить прошлое Украины в соответствии с некогда общепризнанным, но устаревающим на глазах нарративом о происхождении национального государства.

Является ли все это пустыми мечтаниями? Я бы сказал, что нет, что существуют возможности более современного прочтения истории Украины. Несколько факторов украинской истории будут усложнять любую упрощающую картину. Прежде всего, это культурная и политическая проницаемость, о которой я уже упоминал. Одновременно с попытками бывшего украинского президента Леонида Кравчука вступить в контакт с соседями Украины и остальным мировым сообществом, украинские историки и гуманитарии проводили конференции, пересматривавшие зачастую драматические отношения их народа с Россией и Польшей,^[46] с евреями (совместно с Израилем)^[47] и с украинской диаспорой. Участники конференций обсуждали проблемы колониальной политики, военного противостояния, религиозных конфликтов и культурных стереотипов, а также сотрудничества в ходе сопротивления и революции, и в целом пытались найти положительные примеры взаимодействия. Также примечателен тот факт, что до сих пор все эти конференции проводились в основном украинской стороной. Это значит, что, например, Россию и Польшу еще надо убедить в легитимности украинской нации и государства.^[48]

Ясно, что советский период украинской истории поставит очень сложные вопросы интеграции. В начале исторического ревизионизма, связанного с перестройкой и Горбачевым, украинские историки предприняли несколько целенаправленных усилий по десталинизации своей политической истории путем реабилитации украинских политических и культурных лидеров, которые стали жертвами сталинских чисток.^[49] Но так же, как и в других местах Советского Союза, на Украине “эпидемия” антисталинизма распространилась на критику всего советского периода, который теперь характеризуется как оккупационный режим.^[50] Рано или поздно несколько комплексов проблем потребуют

своего разрешения. Национальное строительство (коренизация) и украинское культурное возрождение 1920-х годов, которые отмечены переизданием и первым изданием многих работ, долгое время запрещенных цензурой или просто игнорированных, явились нечаянным следствием периода независимости во время гражданской войны и экспериментов с национальной политикой в многонациональном государстве. Современные территориальные границы Украины являются наследием советского и даже сталинского периодов, от которого вряд ли откажутся. Также недостаточно понятным, но безусловно крайне важным для послевоенной истории Украины является влияние объединения западной и восточной Украины.^[51]

Вторая мировая война сама стала объектом политических сражений из-за ее прежнего привилегированного положения в советском патриотическом воспитании как войны Великой Отечественной. В постсоветской Украине конфликт вокруг памяти о второй мировой войне отражает политический раскол внутри нации. Общественные дискуссии здесь имеют аналоги на всех территориях бывшего Советского Союза, оккупированных немцами, где по меньшей мере два враждующих лагеря поддерживают различные версии войны. На одной стороне ветераны Советской Армии и их потомки, чей нарратив ближе ортодоксальной советской версии истории войны. На другой – сторонники антисоветского (и по крайней мере временно коллаборационистского с рейхсвером) партизанского движения. Эти две версии соревнуются за общественное внимание в государственных церемониях и средствах массовой информации.

Наконец, историки должны будут интегрировать в хронику современной Украины вторую волну украинизации 1960-х годов при Петре Шелесте, возникновение советского украинского диссидентского движения и его роль в политике независимости.

Другая сложная задача, стоящая перед украинскими историками, заключается в том, как интегрировать две большие и влиятельные группы украинцев, которые по той или иной причине, в то или иное время покинули Украину. Украинцы, которые вступили на имперскую службу и были ассимилированы российской или советской политической культурой, могут рассматриваться некоторыми националистическими историками как предатели или коллаборационисты; такие взгляды анахроничны в отношении девятнадцатого века, но, наверное, выглядят слишком упрощающими в отношении века двадцатого. И что делать с украинскими крестьянами, которые были призваны на имперскую военную службу или составляли существенную долю переселенцев в Сибирь и Казахстан в конце девятнадцатого и начале двадцатого веков? По крайней мере в некоторых случаях, эти группы поддерживали сильное украинское самосознание, но скорее всего не отличались от русских солдат или местных колонистов.

Другая большая группа украинцев, которые покинули родину, составляет диаспору в точном смысле слова, – это те, кто эмигрировали в Северную и Южную Америку, Европу и Австралию. В период советского правления эти группы сохраняли идею государственной независимости Украины, лелеяли украинское культурное и интеллектуальное наследие и писали историю, альтернативную той, которая создавалась в Советской Украине. Работы этих историков диаспоры переводятся и переиздаются на Украине и, конечно, невероятно влиятельны как в академической историографии, так и в народном историческом сознании.^[52]

Последствия для исторических факультетов в университетах Северной Америки и Европы

Подобно международной политической системе, которая должна теперь приспособиться к недавно заявленным суверенитетам восточноевропейских и центральноевропейских народов, ученые за пределами региона должны будут восстановить историческую и интеллектуальную легитимность объектов своего исследования. Более всего новые национальные элиты восточной и центральной Европы хотят (ре)интегрировать свои государства в Европу (даже русские провозгласили свое желание “присоединиться” к Европе), под чем они подразумевают западноевропейские народы и Европейское Сообщество. Пока что, однако, их судьбы будут связаны по многим важным направлениям с их восточными соседями.

Все это не означает, что мы должны учредить повсюду специализацию по украинской истории, также как нереалистично думать, что литовская, эстонская или казахская история будут теперь изучаться повсеместно. Но это, как минимум, может означать, что в будущем факультеты, предлагающие места специалистам по истории России и Восточной Европы, вполне вправе будут настаивать на знании истории не только одного народа Российской империи, а также интеллектуальных и методологических проблем преподавания истории империи. В настоящее время существует немалая угроза того, что маятник, по крайней мере временно, качнется в противоположном направлении, под чем я подразумеваю преувеличенный интерес к национализму и этническому фактору, компенсирующий прежнее недостаточное внимание к этим проблемам. Однако мы должны двигаться дальше осторожно.

Я хочу аргументировать актуальность изучения украинской истории и ее появление в качестве академической дисциплины как внутри, так и за пределами Украины тем, что это бросает вызов многим штампам парадигмы национального государства. История Украины является форменной лабораторией для рассмотрения ряда процессов государственного и национального строительства и компаративной истории в целом. В последние несколько лет мы слышали о “возвращении” государства, затем “возвращении” общества; теперь я призываю к некоторому “отзыву” национального государства. Это не значит, что я хочу оспаривать реальность национального государства как способа организации в современном мире, или желание современных украинских элит построить национальное государство. Действительно, недавно получившая независимость Украина нуждается в гражданской, патриотической истории своего строящегося национального государства.^[53] Но помимо того история Украины может служить замечательным способом оспорить концептуальную гегемонию национального государства и исследовать некоторые наиболее спорные вопросы формирования самосознания, создания и функционирования культуры и колониальных структур и институтов.

Примечания

1. ↑ Литературна Украина, 10 января 1991. См. также Orest Subtelny. The Current State of Ukrainian Historiography // Journal of Ukrainian Studies, 1993. Vol. 18. № 1-2. P. 33-54.
2. ↑ Одна из областей американской исторической науки, в которой также доминируют “профессиональные националы” – еврейская история. Кстати, она обрела академическую респектабельность, которую не смогла получить украинская история. В других исторических направлениях тоже доминируют “профессиональные националы”, особенно в афро-американской, испано-американской и азиато-американской историях, но эти направления также воспринимаются как вид политического заступничества и потому обладают меньшей академической респектабельностью. Примерно в том же положении до сих пор находится “женская” история. Для контраста можно упомянуть ситуацию в

российской истории, где на смену ученым-эмигрантам уже давно пришли поколения не-русских американских историков. Соответственно, российская история редко характеризуется как “поиск корней”.

3. ↑ Недавно Майкл Флиер, не являющийся украинцем, был назначен профессором украинской лингвистики имени Потебни. Два других профессорства, одно по украинской литературе, а другое по украинской истории, заняты этническими украинцами Джорджем Грабовичем и Романом Шпорлюком соответственно. Хотя профессор Шпорлюк руководил написанием нескольких великолепных диссертаций по этой теме (во время работы в Мичиганском университете), никто из его студентов не занял видного научного положения по этой специальности в американском университете.
4. ↑ См. недавнее обсуждение параллельных вопросов в области славянских языков и литературы: Oleh S. Inytkyj. *Russian and Ukrainian Studies and the New World Order*, и Horace G. Lunt. *Notes on Nationalist Attitudes in Slavic Studies // Canadian Slavonic Papers*, 1992. Vol. XXXIV. №. 4. P. 445-70. Можно добавить, что обществоведы, под которыми я подразумеваю политологов, экономистов, социологов и антропологов, обычно быстрее признавали Украину как важный объект исследования. Реакция истории и славистики, напротив, была гораздо более амбивалентной и медленной.
5. ↑ Термин приписывается Фридриху Энгельсу. См. об этом Jozef Chlebowczyk. *On Small and Young Nations in Europe*, trans. Janina Dorosz. Wroclaw, 1980; Ivan Rudnytsky. *Observations on the Problem of ‘Historical’ and ‘Non-Historical’ Nations // Harvard Ukrainian Studies*, 1981. Vol. 5. № 3. P. 358-68.
6. ↑ См. интересные размышления в этом направлении у Geoff Eley. *Remapping the Nation: War, Revolutionary Upheaval and State Formation in Eastern Europe, 1914-1923 // Peter J. Potichnyj and Howard Aster (Eds.), Ukrainian-Jewish Relations in Historical Perspective*. Edmonton, 1988. P. 222. Eley пишет, что “обладание даром достигнутой государственности является незаменимым условием историографической легитимности.”
7. ↑ См.: Hugh Seton-Watson. *Is There an East Central Europe // Sylvia Sinanian, Istvan Deak and Peter D. Ludz (Eds.), Eastern Europe in the 1970s*. New York, 1972. P. 3-12; и Stephen Borsody. *The Tragedy of Central Europe: Nazi and Soviet Conquest and Aftermath*, rev. ed. New Haven, 1980. “Preface to the New Edition” and “From the Preface to the First Edition.”
8. ↑ См.: H.C. Meyer. *Mitteleuropa in German Thought and Action, 1815-1945*. The Hague, 1955.
9. ↑ Действительно, как российские имперские, так и советские концепции допускали некоторую градацию этого влияния. Украине, к примеру, полностью было отказано в суверенитете, в то время как более западные народы (в особенности в Польше) имели больше символической и реальной автономии – хотя всегда с существенными ограничениями.
10. ↑ Литература, посвященная немецкому Historikerstreit обширна. Полезные руководства можно найти в Charles Maier. *The Unmasterable Past: History, Holocaust, and German National Identity*. Cambridge, 1988; и Hans-Ulrich Wehler. *Entsorgung der deutschen Vergangenheit? Ein polemischer Essay zum ‘Historikerstreit’*. Munich, 1988.
11. ↑ См. обзоры в R. W. Davies. *Soviet History and the Gorbachev Revolution*. Bloomington, 1989; Walter Laqueur. *Stalin: The Glasnost Revelations*. New York, 1991; а также мою публикующуюся статью: *The Stalin Debate and the Reformulation of the Soviet Past*.
12. ↑ Американские исторические и общественные науки унаследовали кое-что от обеих этих конкурирующих “имперских” традиций и поэтому продолжили маргинализацию Восточной и Центральной Европы. С одной стороны, российские

эмигранты, по большей части сторонники великой российской государственности, либеральной, социалистической или консервативной, с самого начала формировали восприятие и исследовательские программы американских историков российской империи. Позднее интеллектуалы-эмигранты из Германии, включая балтийских немцев, играли важную роль в американской научной жизни до и после второй мировой войны. В результате восточно-европейская и центрально-европейская политика обычно преподавались в США как продолжение советской внутренней политики.

13. ↑ См. критику теории модернизации на этот счет в Walker Connor. *Nation-Building or Nation-Destroying?* // *World Politics*, 1972. Vol. 14. № 3. P. 319-55; а также его *Ethnonationalism* // Myron Weiner and Samuel P. Huntington (Eds.), *Understanding Political Development*. Boston, 1987. P. 196-220.
14. ↑ Hugh Seton-Watson // *The New York Times Book Review*. 5 November 1967. Действительно, социолог из Колумбийского университета Herbert J. Gans в важной статье 1979 года уверял своих читателей, что, несмотря на возобновившийся интерес к этническому, “продолжается окультуривание и ассимиляция.” Его комментарии по поводу национальности ориентировались на американцев еврейского и итальянского происхождения (*Symbolic Ethnicity: The Future of Ethnic Groups and Cultures in America* // *Ethnic and Racial Studies*, 1979. Vol. 2. № 1. P. 1-20.
15. ↑ Наиболее влиятельным и недавним примером этого подхода является Liah Greenfield. *Nationalism*. Cambridge, Mass., 1992.
16. ↑ Ученые пытались по-разному объяснить различие между восточной и западной Европой с меньшей осторожностью суждений, чем в подходе Greenfield. См.: Perry Anderson. *Lineages of the Absolutist State*. London, 1974; и John Armstrong. *Toward a Framework for Considering Nationalism in East Europe* // *EEPS*, Spring 1988. Изоощренный и наводящий на размышления подход к постсоветскому развитию представлен Katherine Verdery. *Nationalism and National Sentiment in Post-Socialist Romania* // *Slavic Review*, 1993. Vol. 52, № 2. P. 179-203.
17. ↑ *Non-Russian CIS Members Seek Return of National Treasures* // *RFE/RL Daily Report*, 20 January 1993. № 12.
18. ↑ James Mace. *Communism and the Dilemmas of National Liberation: National Communism in Soviet Ukraine, 1918-1933*. Cambridge, 1983, esp. chap. VII.
19. ↑ См. полемическое обозрение ранней советской национальной политики: Yuri Slezkine. *The USSR as Communal Apartment* // *Slavic Review*, 1994. Vol. 53. № 2. P. 414-52.
20. ↑ См. классическое изложение этой идеологии в Iu. Bromlei, ed. *Present-Day Ethnic Processes in the USSR*. Moscow, 1982.
21. ↑ Примечание переводчика: ср. формулировки в русских изданиях работ Ю. В. Бромлея: “В результате социально-экономических и общественно-политических преобразований в нашей стране возникла такая новая историческая общность, как советский народ.” Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов. *Заключение* // *Современные этнические процессы в СССР*. Отв. Ред. Ю. В. Бромлей. Москва, 1977. С. 537. “Межэтническая интеграция в узком значении слова теснейшим образом сопряжена с процессом возникновения и развития новой исторической общности – советского народа, представляющего собой первое в истории человечества межэтническое (межнациональное) образование, сложившееся на базе социализма.” Ю. В. Бромлей. *Очерки теории этноса*. Москва, 1983. С. 358.
22. ↑ Сюда относятся бывшие аппаратчики коммунистической партии, которые открыли для себя национальную идею, особенно бывший президент Леонид Кравчук и нынешний президент Леонид Кучма, но также и члены диссидентской художественной интеллигенции (Олесь Гончар, Дмитро Павлычко и Иван Драч) и

- правозащитники (Вячеслав Черновил, Иван Дзюба, Левко Лукьяненко), которые формировали ядро украинского народного фронта, РУХ.
23. ↑ См. например труды конференции, прошедшей 12-13 мая в Гарвардском университете “The Military Tradition in Ukrainian History: Its Role in the Construction of Ukraine's Armed Forces.”
 24. ↑ Katherine Verdery приписывает эту фразу Florin Toma в своей работе “Nationalism in Romania,” С. 196. О специфической роли военных поражений в национальном сознании, см.: Tony Judt. *The Furies of Nationalism* // *New York Review of Books*, 26 May 1994.
 25. ↑ История Польши предлагает много параллелей с этим типом исторического нарратива. См. H. Wereszycki. *Polish Insurrections as a Controversial Problem in Polish Historiography* // *Canadian Slavonic Papers*, 1967. Vol. IX. P. 105-21
 26. ↑ Конечно же, язык преподавания был изменен с русского на украинский, но преподавательский состав нуждался в более существенном знакомстве с предметом. Здесь опять проявляется ирония периода реформ: переименованные кафедры были вынуждены обратиться к своим бывшим идеологическим противоположностям, некогда практически игнорировавшимся кафедрам истории феодализма (также переименованного в менее вульгарную марксистскую “историю средних веков”), где специалисты по Киевской Руси и в особенности казацкой гетманщины семнадцатого и восемнадцатого веков писали свои малотиражные работы для узкой научной аудитории.
 27. ↑ Эта тенденция не уникальна для Украины; скорее, это общая модель для всех постсоветских стран, включая саму Россию. Например, в российских конкурсах учебников по истории авторы возвышают девятнадцатый век и низводят войну и революцию двадцатого века в нарративе “истории цивилизации”.
 28. ↑ См.: Verdery, *op. cit.*
 29. ↑ Одни из наиболее полезных размышлений об этих проблемах исходили от покойного И. Л. Рудницкого. См. особенно его *Ukraine between East and West* // *Das oestliche Mitteleuropa in Geschichte und Gegenwart*. Wiesbaden, 1966. S. 163-69; и *The Role of Ukraine in Modern History* // *Slavic Review*, 1963. Vol. 22, № 2. P. 256-62.
 30. ↑ Но не-украинцы должны опасаться судить украинцев с позиций, которые с трудом удерживаются их собственными национальными историографиями. Мультикультурализм, в конце концов, едва ли принимается без противоречия американским государственным образованием.
 31. ↑ Отсутствие консенсуса в отношении этого аспекта украинской идентичности отражается в предисловии к респектабельному изданию, озаглавленному “The Ukraine, 1917-1921: A Study in Revolution” (Cambridge, 1977), в котором редактор, Тарас Гунчак, предупреждает: “Этот том посвящен в основном Восточной Украине и лишь поверхностно событиям на западноукраинских землях Галиции, Буковины и Карпатской Украины”. Гунчак признает, что революции происходили и на западных землях и что события были взаимосвязаны; тем не менее, название издания осталось “The Ukraine” а не, скажем, “Eastern Ukraine, 1917- 1921”.
 32. ↑ Реабилитация Грушевского сыграла выдающуюся роль в переписывании украинской истории. Работы Грушевского были вновь опубликованы после продолжительного советского запрета; центральная улица в Киеве, прежде носившая имя Сергея Кирова, была переименована в его честь. О начале реабилитации, см. Bohdan W. Klid. *The Struggle Over Mykhailo Hrushevsk'yi: Recent Soviet Polemics* // *Canadian Slavonic Papers*, 1991. Vol. XXXIII, № 1. P. 32-45.
 33. ↑ Jaroslaw Pelenski. *The Contest for the 'Kievan Inheritance' in Russian/Ukrainian Relations: The Origins and Early Ramifications* // Peter J. Potichnyi et al. (Eds), *Ukraine and Russia in their Historical Encounter*. Edmonton, 1992.

34. ↑ См.: Frank Sysyn. The Reemergence of the Ukrainian Nation and Cossack Mythology // *Social Research*, 1991. Vol. 58, № 4.
35. ↑ См.: Zenon Kohut. The Ukrainian Elite in the 18th Century and Its Integration into the Russian Nobility // Ivo Banac and Paul Bushkovitch (Eds.), *The Nobility in Russia and Eastern Europe*. New Haven, 1983, 1985. P. 65-98; Kohut. Problems in Studying the Post- Khmelnytsky Ukrainian Elite (1650s to 1830s) // P. 103-19, и Frank Sysyn. The Problem of Nobilities in the Ukrainian Past: The Polish Period, 1569-1648 // P. 29-102, both in: I.L Rudnytsky, ed., *Rethinking Ukrainian History*. Edmonton, 1981.
36. ↑ Убедительное изложение взглядов Лыпиньского содержится в: Alexander J. Motyl. Viacheslav Lypyns'kyi and the Ideology and Politics of Ukrainian Monarchism // *Canadian Slavonic Papers*, 1985. P. 31-48; и Ivan Rudnytsky. Viacheslav Lypynsky: Statesman, Historian, and Political Thinker // Peter L. Rudnytsky (Ed.), *Essays in Modern Ukrainian History*. Cambridge, 1987. P. 437-46.
37. ↑ Например, провозглашение Императорской Академией Наук украинского языком, а не просто диалектом, было отмечено как всеобщий триумф украинского движения.
38. ↑ David Saunders. The Ukrainian Impact on Russian Culture 1750-1850. Edmonton, 1985. On the problems of a Ukrainian Baroque, see James Cracraft. *The Mask of Culture: Baroque Art in Russia and Ukraine, 1600-1750* // Potichnyi. *Ukraine and Russia*, op. cit.
39. ↑ Здесь поочередное притяжение польской и русской культур рождает параллели с литовской национальной интеллигенцией. Обсуждение проблем украинской истории литературы см. в работах George G. Grabowicz, включая "Ukrainian-Russian Literary Relations in the Nineteenth Century: A Formulation of the Problem," // Potichnyj. *Ukraine and Russia, and Toward a History of Ukrainian Literature*. Cambridge, Mass., 1981.
40. ↑ Drahomanov. *Avtobiografia* // *Byloe*, 1906. № 6. P. 182-213, esp. 187, 195. Об идеях Драгоманова см. Ivan Rudnytsky. Drahomanov as a Political Theorist // *Mykhailo Drahomanov: A Symposium and Selected Writings, Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U.S.* 2, 1952. № 1 (3). P. 70-130.
41. ↑ Некоторые стимулирующие размышления на эту тему содержатся в Michael Geyer. *Historical Fictions of Autonomy and the Europeanization of National History* // *Central European History*, 1989. № 22. P. 316-43.
42. ↑ Сходным образом, стремление к национальному суверенитету и самоутверждению украинских и других постсоветских элит совпадают с противоположными тенденциями к национальной интеграции в Европе и Северной Америке.
43. ↑ James J. Sheehan. What Is German History? Reflections on the Role of the Nation in German History and Historiography // *Journal of Modern History*, 1981. № 53. P. 1-23; и его *German History, 1770-1866*. Oxford, 1989.
44. ↑ Eugen Weber. *Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870-1914*. Stanford, 1976.
45. ↑ Linda Colley. *Britons: Forging the Nation 1707-1837*. New Haven, 1992.
46. ↑ "Польша-Украина: исторична спадщина и суспилна свідомість," 29-31 мая, Каменец-Подольский, организованная National Association of Ukrainianists, Институтом общественных наук и Институтом истории Украины (оба относятся к Академии Наук Украины).
47. ↑ Ср. Второй международный фестиваль еврейского искусства и музыки в октябре 1993 г. в Одессе, проводившийся совместно украинским Министерством культуры и Академией Музыки имени Рубина Тель-Авивского университета.
48. ↑ Так было в прошлом на подобных конференциях, проводившихся украинистами в Канаде и США: украинская сторона проводила "примирительные" конференции и лишь с большим трудом была в состоянии привлечь историков Польши или

- восточноевропейского еврейства. См.: P. Potichnyj, ed. *Poland and Ukraine: Past and Present*. Edmonton, 1980; P. Potichnyi and H. Aster, eds. *Ukrainian/Jewish Relations in Historical Perspective*. Edmonton, 1988; P. Potichnyj. *Ukraine and Russia*, op. cit.
49. ↑ Смотри, например, сборник под редакцией Ю. П. Шаповала: *Про минуле–заради майбутнього*. Киев, 1989.
 50. ↑ О динамике этого процесса, в основном на основе российских исторических дискуссий, см. мою статью *The Stalin Debate and the Reformulation of the Soviet Past* // *The Harriman Institute Forum*, 1992. March.
 51. ↑ Rudnytsky. *Soviet Ukraine in Historical Perspective* // Rudnytsky (Ed.), *Essays*.
 52. ↑ По иронии (учитывая зачастую бурную историю украинско-еврейских отношений), одна из успешных моделей написания истории Украины, которые может использовать диаспора, является еврейская история, которая включает сейчас историю современного Израиля.
 53. ↑ Этот тип истории очень близок тому, что Франсуа Фюре назвал – говоря о Французской революции – “поминальная история”. Вместо поминальной истории Фюре предлагает более проблемный подход к прошлому. См. его *The Revolution Is Over* // Francois Furet (Ed.), *Interpreting the French Revolution*, trans. Elborg Forster. New York, 1977., esp. 9ff. Я благодарю А. Binder за эту сноску.